Атаров Н. Угощаю рябиной... : о прозе Александра Яшина / Н. Атаров // Литературная газета. – 1968. – 29 мая. – С. 5.

О прозе Александра Яшина

УГОЩАЮ РЯБИНОЙ...

ПРО таких, как Александр Яшин, полушутливо-полувсерьез говорят: злой мужик, но справедливый. Злой он, думаю, только по виду. А был бы и совсем добрый, если б его писательскую совесть не озабочивало постоянно, не беспокоило чувство собственной ответственности за судьбы родного края. Родина его — Вологодщина, там его Россия. Когда он говорит «на моей родине», в этом нет ни малейшей литературной схемы, никакой красивой абстракции, никакого «приворотного зелья России». Когда он говорит «на моей родине», это означает осязаемо конкретный северный край, хвойную глухомань, беспутицу до самого Бобришного угора, до той избы детских лет, в которой вымораживали зимой тараканов и сами угорали потом, а спасались мороженой рябиной. И к чувству правды у него отношение конкретное: применима ли она к делу, то есть к народной необходимости. И даже к собственной судьбе, думаю, у него особый счет, вроде чувства некоторой виновности: дескать, как иные в кладовщики, в сельпо, а там и в президиумы лезут, так он в поэты полез, ушел «на города». И, может быть, здесь исток своеобразного драматизма и злой полемичности его, в сущности, доброй прозы. «Поди втолкуй им, что жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам — и мне трудно. Хорошо у них идут дела — и мне легко живется и пишется. Меня касается все, что делается на той земле, на которой я не одну тропку босыми пятками выбил; на полях, которые еще плугом пахал; на пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога».

За плечом Яшина, освещая его зрелый путь, — теплый свет детства. То и дело он вспоминает свое сельское детство — оно почти во всех его рассказах и повестях, а я хочу высказаться именно о прозе поэта. Из любви к сельскому детству, будоража воспоминания о нем, кажется, он и прозу пишет, и собирает рябину вкруг подмосковной дачи. Его детство кажется ему куда как прелестнее городского детства, как рябина лучше, красивее и вкуснее, полезнее лимона — нечего даже сравнивать! «Знаете ли вы, например, что такое шировéга? Шировега — это замешанная с толокном на сладком соку журавлиха. А журавлиха — клюква. А знаете ли, что такое дежень с простоквашей? Конечно, тоже не знаете? Дежень — густо замешанное уже на соленой воде толокно и политое простоквашей. Удивительно вкусная еда, особенно когда за всем этим стоит детство». Тут я цитирую уже не рассказ «Угощаю рябиной», где разговор идет напрямую, а рассказ «Две берлоги», в котором меж строк прорывается и звенит тот же ключ детства. И снова прозрачно звенит этот ключ еще в одном весьма поэтичном очерке — «Вологодская свадьба»: «Вспоминаю свое детство: после праздников мы, малые ребятишки, допускались к сладким пирогам и с вожделением выковыривали «глазки» — ландринки, запеченные в тесто».

Теплый свет детства — за спиной писателя.

А впереди — встречный свет народной мечты, которая, как обещание — «не нам, так детям», — должно быть исполнено. Иначе и сказки незачем сказывать, и стихи писать... «Не могу я не думать изо дня в день и о том, построен ли уже в моей деревне навес для машин или все еще они гниют и ржавеют под открытым небом, и когда же наконец будет поступать запчастей для них столько, сколько нужно, чтобы работа шла без перебоя, и о том, когда появятся первые проезжие дороги в моих родных местах и когда сосновый сруб станет клубом, и о том, когда мои односельчане перестанут наконец глушить водку, а женщины горевать из-за этого. А еще: сколько талантливых ребятишек растет сейчас в моей деревне, и все ли они выбьются в люди, заметит ли их вовремя кто-нибудь, и кем они станут?..»

Чувство правды непрестанно вводит в круг внимания писателя честных, работящих людей — тех, что не сбегут от земли. Таков Шурка, Пашуткин брат из повести «Сирота». Таковы гости в «Вологодской свадьбе» — невестины братаны с дальнего лесозаготовительного участка: шофер, пильщик-моторист и преподаватель физкультуры; таков и сам жених — «ничего парень, парень как парень», в армии побывал и на стороне не женился; такова и невеста, Галя, передовая работница на льнозаводе. (А что пьют на свадьбе, так ведь уместно обмолвился Яшин: «Считается, что, если на свадьбе нет пьяных, счастья молодым не будет». А еще надо принять во внимание: северный край, мороз за тридцать, так что даже гармонь, вынесенная из жарко натопленной избы на мороз, не поет.) И что там плохого: ведь для молодежи, сбежавшейся на свадьбу, она «нечто вроде самодеятельного спектакля» в глухой деревушке.

Любовью к честным, работящим людям проникнута проза Александра Яшина. И — ненавистью ко всем видам личного и общественного иждивенчества. У него и отвращение к бюрократизму чисто деревенское: это негодование против захребетничества здоровых мужиков, полезших в кладовщики, как Пашутка в повести «Сирота». Удивительно искренне это отвращение. Впрочем, слово искренний все время чувствую у себя под пером, пока пишу эту заметку. Размышляя, обдумывая свои впечатления от жизни вокруг, Александр Яшин никогда не предлагает готовых решений, и свойственна ему откровенность сомнения: «Но, может быть, я не прав, попробуй разберись в этом».

Ко многим городским вещам проскальзывает в прозе А. Яшина между строк некоторая, иногда шуточно окрашенная неприязнь: к городской забаве бильярда, к городским «пирамидонам, анальгинам, тройчаткам», к накрашенной даме, печатающей в газетах очерки на морально-бытовые темы, даже к беговым многослойным лыжам таллинского производства, даже к городскому любителю охоты с его первоклассным обмундированием, к тому коллеге-охотнику, с которого при первом же свидании мудрый медведь голову снял... Неприязнь, что говорить, стойкая. Но мне, городскому человеку, она тем не менее нисколько не обидна. Именно потому, что не злой Яшин, а добрый. И добротой продиктован рассказ «Угощаю рябиной», в котором писатель корит городских ребят за малое их общение с природой. (Кстати, свирепо не любит Яшин кошек — не было, что ли, в его деревне мышей? В рассказе «Подруженька» совсем оболгал, «очернил» кошку — она и спит по-барски на хозяйкиной подушке, сытая — ворует со стола, в кровь разодрала пальцы хозяйке. Видно, хотел Александр Яковлевич рассказать о страшном одиночестве женщины, привязавшейся к драной кошке, а со всей искренностью отвращения изобразил ведьму в кошачьем образе.)

Яшин влюблен в Пришвина — великого жизнелюбца с драгоценной живой водой его общения с природой. Здесь звенит еще один, неназванный мною, прозрачный ключ творчества Яшина-прозаика — его любовь к природе, к земле и лесу. Страницы его прозы удивительно хорошеют от прямого родства с пейзажем. Традиционна, в пришвинской тональности, эта проза в таких рассказах, как «Две берлоги», «Последняя тропинка». И нисколько не уступает она в поэтичности стихам Яшина. И как добреет, распрямляет свое чело злой Яшин в концовках своих рассказов, в их как бы прощальных строчках — вот где она выдает себя, доброта.

Конец «Вологодской свадьбы» — «С этими свадебными подарками я и вернулся в Москву. Один пестерь подарил Константину Георгиевичу Паустовскому к его семидесятилетию, другой — поэту... в день его свадьбы и в придачу лапти собственного плетения. Все раздарил. Себе оставил только берестяную солоницу, колокольцы да воркуны на кожаном ошейнике. Сижу за столом, пишу да позваниваю иногда, слушаю: хорошо поют!».

Конец «Последней тропинки» — «Она широкая и уходит далеко, далеко, через Дунино и Загорск, через мою Вологду, откуда Пришвин начинал свое первое путешествие в края непуганых птиц, к Карельским озерам, бежит она в приморские дебри, где растет женьшень, к былинному Китеж-граду, к животворным родникам Берендея, в гущу народную, к тем, кто работает на земле и в лесах, и сказки складывает, и песни поет, и на ком вся земля держится, — к людям, к людям. Бежит и разветвляется на много разных тропинок, таких же бесконечных и не похожих одна на другую. И кажется мне, что по одной из этих тропинок, уже не по пришвинской, а по своей, иду я сам. И может статься, еще не поздно, я расскажу людям обо всем, что увижу и услышу на своей родной стороне...»

Николай АТАРОВ